

Анна Богарнэ

16+

Наследство Катарины

Анна Богарнэ
Наследство Катарины

«Автор»

2018

Богарнэ А.

Наследство Катарина / А. Богарнэ — «Автор», 2018

Катарина — эмпатичная, замкнутая девушка, муж которой был смыслом ее жизни. Не справляясь с болью от его потери, она решается на суицид. Останавливает случайность — e-mail от дяди, которого она не знала. Дядя сообщает ей о смерти бабушки, завещание которой скоро огласится в Швейцарии. Катарина получает в наследство живой дом с порталом в другой мир, становится его хранителем, и должна уберечь его от опасного колдуна.

© Богарнэ А., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава 1. До и после	5
Глава 2. Новая	11
Глава 3. Знакомство	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Анна Богарнэ

Наследство Катарины

Глава 1. До и после

...Девушка неспешно шла по заснеженным улицам Москвы, пробираясь сквозь сугробы, завалившие мостовые. Ночь была прекрасной и удивительной. Снежинки плавно спускались с небес, создавая сказочное настроение. Если бы она только остановилась и взглянула на магию вокруг, то быть может ей стало бы легче. Тяжелые мысли вихрем проносились у нее в голове. Ей было все равно куда идти, и что дальше произойдет. «Куда угодно, только не домой». Если бы сейчас кто-то напал на нее и лишил жизни, он сделал бы ей огромное одолжение, избавив от душевных мук.

Она задавалась вопросами: «Как докатилась до этого? Почему она?» Катарина принимала жизнь как должное, а когда случилось несчастье, начала копаться в себе. Мимо нее проносились машины, сверкая фарами, загазованность воздуха душила. Девушка вспомнила, как сильно ненавидела этот город, когда приехала сюда впервые.

Родители развелись, когда ей было десять, и мама решила вернуться в столицу России, где имела скромную «трешку» в центре. Естественно, ей пришлось переехать вместе с ней. Развод сказался на психике ребенка, в жизни прибавилось драматизма. Страхи оживали и кусались – особенно по ночам. К тому же в Швейцарии остался не только ее отец, но и друзья, язык, образ жизни. Все изменилось в один миг и казалось Адом на земле.

Школьные годы девушка тоже вспоминать не любила, ведь ее задирали сверстники из-за имени и акцента. Она быстро превратилась в отшельника. А после уроков сидела дома одна, дожидаясь заблудшую мать, пропадавшую якобы на работе. В такие моменты она молилась, чтобы Бог послал ей друга, но в школе этому случиться было не суждено.

Катарина училась в университете на последнем курсе, когда впервые увидела парня своей мечты. Нужно отметить, она заметно похорошела за эти годы. У нее была стройная фигура, светлые, унаследованные от отца волосы, доходившие ей до самой талии, округлое личико, и голубые, необычайного цвета глаза, напоминавшие драгоценный камень. Характер у девушки закалился: она привыкла, что люди ее не жалуют, и надеялась только на себя. Имея уйму свободного времени, не растраченного на тусовки, она проводила его за книгой или в спортзале.

Он завалил экзамены и остался на второй год – полная противоположность: душа компании, гуляка, задира. Катарина сразу влюбилась и разглядывала его украдкой на парах. Роман был хорош собой, высок, крепок, брюнет, имел острые, птичьи черты лица, глаза черные как сама ночь, а когда улыбался, слегка прищуривался. Он много говорил, много пил, многих знал женщин. Ему обычно нравились те, что выставляли себя на показ, а робкую и замкнутую Катарину, парень не замечал.

Слезы катились по щекам и замерзали от холода, ведь воспоминания ранили девушку. Она ускорила шаг, опасаясь желания упасть на землю и замерзнуть насмерть. Мелькнула мысль, что может ей найдется место в доме матери, но тут же отсеялась: слишком хорошо она ее знала. Катарина в отчаянии попыталась вытеснить его из памяти, но безуспешно. Вместе парочку свел неприятный случай.

Как-то, поздно вечером она торопилась на вечерние занятия (преподаватель мог вести их только после шести). На дворе стояла зима, такая же холодная и снежная как сейчас, стемнело рано. Она скользила по снегу в новых сапогах, которые купила наспех, лишь бы не слушать ни минутой дольше разговоры двух противных подружек в магазине. Путь пролегал через

небольшой сквер, обходить который времени не было. Когда она услышала за спиной шаги, было поздно, попытка убежать обернулась падением. Девушку накрыло тяжелое тело разившееся алкоголем.

Мужик был увесистый, справится с ним сама она бы точно не смогла. Страх сковал ее, ощущение беспомощности разрасталось. Она приготовилась к неизбежному, как вдруг нападавшего кто-то отбросил в сторону. Раздались глухие удары, а затем тишина. Темная фигура медленно приблизилась к ней и протянула руку. Катарина осторожно протянула свою в ответ, и незнакомец резким рывком поставил ее на ноги. В темноте она не могла разглядеть его, но сразу узнала, как только он заговорил:

– Не страшно ходить одной? Ты же с моего курса, да? Медленно бегаешь...

– Я торопилась. Спасибо, – ответила девушка, оглядываясь на неподвижное тело.

– Оклемается, гад! – махнул на него рукой парень, а затем представился: – Роман. – По голосу девушка поняла, что он улыбается. – Я тебя провожу, а то вдруг еще желающие найдутся, – бросил парень небрежно и зашагал по тропинке.

Катарина потихоньку переставляла ноги, боясь снова упасть. Роман рассмеялся:

– Твои сапоги – мечта маньяка! – Она надулась, а он взял ее под руку. – Мне придется угадывать твое имя, да? Мария. Стоп. Нет. Кристина? – перечислял он, а она погрузилась в размышления, осознавая, что с ней только что чуть не случилось ужасное.

Они вышли из злосчастного сквера. Снег сыпал крупными хлопьями, фонари совсем занесло, и свет стал приглушенным. В отступлении освещения на темном небесном покрывале кое-где пробивались звезды.

– Катарина, – не могла она оторвать взгляда от такой красоты.

– В смысле, Катя?

– Нет, это совершенно другое. У него нет уменьшительных вариантов, – недовольно отозвалась девушка.

– Понял. Так ты девчонка со странной фамилией. Тебя как-то обсуждали, я слышал краем уха. Говорят, ты чудачка.

– Наплевать! – вспыхнула девушка, высвободила руку, и, скользя подошвами сапог, направилась к зданию института.

Катарина жутко на него злилась, и на глупых девчонок. Она не считала свою фамилию странной. Так уж случилось, что по папе девушка была Мансдантер: предки которого были потомками короля Швеции, а по маме – Ивановой. К слову, от папы в ней было больше, если не все. Мать Катарины была общительной, позитивной женщиной. Она блистала в любой компании, притягивая к себе взгляды. Эта ее звездная манера когда-то помогла ей выскочить замуж за иностранца, который теперь обязан содержать их обеих.

Девушка прибыла в аудиторию слишком поздно, половина занятия была пропущена, профессор при всех ее пристыдил, вызывая волну хохота у пятидесяти человек. Позже ночью она будет печально смотреть в окно, сидя на подоконнике, сокрушаясь, почему одинока. Временами Катарина ненавидела свое фамильное имя, но потом успокаивалась и понимала, что дело не в нем. Она просто не такая как все, и с одной стороны это хорошо, с другой – проще быть Ивановой.

Катарина добрела до кафешки, в помещении пахло кофе и пирогами. Посетителей почти не было, и она решила зайти. Тучная женщина обслужила ее столик, и вскоре девушка наслаждалась ароматным напитком и булочкой, на мгновение забыв о причине, по которой здесь оказалась.

Утолив голод и немного согревшись, она устала в одну точку и сидела так какое-то время, пока не услышала на заднем фоне музыку. Девушка узнала игравшую песню, ведь под нее они танцевали впервые. Она горько расплакалась, но быстро взяла себя в руки, заметив любопытные взгляды, которые метала в ее сторону официантка.

Катарина вышла на улицу. Ветер резанул ее по лицу, будто пощечина, и это немного привело ее в чувство. Она почему-то вспомнила отца, не звонившего уже два года. У него не было времени на дочку от первого брака, ведь в новой семье подрастал другой ребенок. В глубине души она желала отцу счастья, но иногда, осознавая свою ненужность, ненавидела всем сердцем. Он предлагал ей вернуться и начать новую жизнь. Конечно же, она ничего не теряла: до тех пор, пока не влюбилась. Желание уезжать отпало само собой, сменившись мечтами, которым, как она сама считала, не суждено было сбыться.

Приближение нового года ощущалось на улицах города, гирлянды и огни сверкали, нарядные елки ослепляли своей красотой. Мимо девушки прошли звонкие ребята, хохотавшие над чем-то своим. Рядом с такими компаниями у нее начиналась параноя: она думала, что смеются над ней, невольно замыкалась в себе и краснела.

Вот и подъезд, знакомый, далекий. Она помедлила немного, но все же решилась войти, понимая, что не справится с этим одна, – не сегодня. Звонок оказался рождественской мелодией на свой манер, девушка поморщилась. Дверь открылась, лицо хозяйки было уставшим:

– Привет, Кэти. – Так ее звали близкие люди. Катарина позволяла им это, но не любила, когда имя произносят неправильно. Только Роман знал об этом и никогда так не делал.

– Привет, Свет. Я тут мимо проходила и решила... зайти на минутку, – переминалась девушка с ноги на ногу, хозяйка кивнула ей, приглашая зайти.

Они сели на кухне, открыли бутылку вина и молча пили, пока не закружилась голова.

– Ты все еще скорбишь? – икнула Светка. – Подруга, его никто не заменит, но жизнь продолжается. Тебе нужно попробовать встречаться с кем-то еще. – Катарина встрепенулась, трезвея.

– Мне никто не нужен, – буркнула она, отворачиваясь.

– Но его нет. И не будет. Когда ты очнешься? Оттуда не возвращаются, – громко отхлебнула Светка из бокала.

– И правда, не возвращаются, – темные мысли закрутились у нее в голове, проедая себе дорогу в самое сердце.

Светка уложила ее спать на диване, а сама нетвердой походкой прошла в спальню. Кошмары вновь одолевали Катарину. Она видела его во сне: живого, здорового, а потом он умирал у нее на руках снова и снова. Девушка кричала до хрипоты, выпуская наружу боль, с которой не могла справиться в реальности. Она проснулась посреди ночи, и отправилась на кухню. Налив себе стакан воды, девушка примостилась на подоконнике. Ночь была тихой, снегопад закончился, деревья накрыло белыми шапками. Прогоняя остатки сна, она снова окунулась в воспоминания.

Роман пригласил ее на свидание на следующий же день после происшествия. Дежуря под окном добрых пару часов, он отморозил щеки. Катарина сжалась над ним и вышла, принимаясь растирать ему лицо шерстяными варежками. А затем Роман устроил ей экскурсию по любимым местам города. Она чувствовала себя самой счастливой, и боялась, что это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Он стал садиться с ней рядом на занятиях, и больше никто не смел над ней смеяться. Они много общались, засиживаясь допоздна у нее дома, за книгами. Намечалась курсовая, и Катарина была погружена в подготовку, а он вдруг заслонил страницы книги рукой, и поцеловал девушку в губы. От неожиданности она дернулась, и он отстранился:

– Извини. Ты, наверное, еще не готова. Я подожду, можешь не переживать. Ради тебя я готов ждать, – он выглядел абсолютно серьезным: впервые она видела его таким.

Катарина боялась близости, ладони у нее вспотели, но упускать момент она не хотела, и поцеловала его сама. А после они целовались всю ночь напролет, и девушка не могла поверить, что это не сон.

Она взяла Светкины сигареты, повертела в руках пачку, закурила, сделала затяжку и закашлялась. Ей никогда не хотелось травить себя, тем более таким изощренным способом, но теперь, когда ее мир рухнул, можно было не заботиться о привычках. Больше всего боли причиняла память об их первой ночи, на втором месте в списке моральных самоистязаний была свадьба.

– Поторопись, мы опаздываем! Жених давно здесь! Ну что ты копаешься? – истерично кричала ей мать. У Катарины с самого утра тряслись руки, нервы сбились, и она слышала увещевания матери отдаленно, будто на заднем фоне.

Девушка не была приверженкой традиций, идея выкупа была ей непонятна, и она даже пыталась настоять на ее отмене, но мать и свекровь заняли оборонительную позицию. Мама Романа очень напоминала ее мать, за исключением командного характера. Катарина сразу поняла, что с ней лучше не спорить. Так и поступали все члены семьи, за исключением самого Романа.

Она стояла в спальне, облаченная в пышное платье с длиннющим шлейфом и фатой, никак не желающей крепиться к волосам. Светка чертыхалась, пытаясь справиться с ней при помощи заколки. Девушки сдружились, как только Роман представил их друг другу. Светка была его младшей сестрой: всего у него их было четверо. Однако именно с ней у них была особая духовная связь. Катарина замечала, как они шепчутся о чем-то, и даже обижалась на него за это. Светка была красоткой и аппетитной блондинкой, и девушка первое время к ней ревновала. Удивительно, но Роман не был похож ни на мать, ни на своих сестер, унаследовав внешность отца, который рано их оставил.

Катарина вдруг осознала, что панически боится забыть его лицо.

В день свадьбы Романа вошел в квартиру и прокричал: «Я люблю тебя!» Нечестно, ведь по сценарию он должен был угадать в какой она спрятана комнате. А она выбежала в прихожую и повисла у него на шее. Толпа гостей ликовала.

На негнущихся ногах девушка прошла по ковровой дорожке и предстала перед работником загса. Роман до боли сжимал ей пальцы, будто опасаясь, что она вот-вот ускользнет. Обменявшись кольцами, они поклялись в вечной любви и скрепили союз поцелуем. Волшебный день стал началом новой, интересной жизни, заполненной любимым мужем, его родственниками, семейными праздниками, пикниками, поездками за границу. Он носил ее на руках, оберегал, ценил, восхищался. А она слепо обожала его в ответ, не задаваясь лишними, как она считала, вопросами. Катарина вновь истязала себя чувством вины, сдавленные всхлипы нарушали тишину ночи.

Она вновь прогуляла работу, взяла такси и поехала в квартиру, причинявшую ей последний год столько боли. Она подумывала продать ее, но на это не хватало сил и участия. Закрывшись ото всех, она стала далекой даже для себя. Там были их совместные вещи, фотографии: жилище ведало грустную историю о двоих, о том как все начиналось.

Рыжий кот подлетел, едва не сбив девушку с ног. Она неохотно потрепала «Бродягу» по холке и положила ему в миску еды.

– Неблагодарное существо, – хрипло сказала она, направляясь в комнату.

Она не любила кота, Роман его приволок. Он назвал рыжего «Бродягой» и не выпускал из рук. А когда хамоватый кот стал вытеснять ее, устраиваясь на коленях любимого, девушка начала испытывать к нему неприязнь.

Все было чудесно: сказочный принц, королевские будни, но со временем муж стал отдаляться. Она переживала, думала, накручивала, боялась спросить. Он как-то грустно на нее смотрел, но не переставал быть с ней ласков. Позже Роман стал задерживаться на работе, и часто, а затем и пропадать по несколько суток. Катарина не спала, худела от стресса, теряла волосы и рассудок, но никогда не шла на конфликт, боясь потерять что имеет.

Девушка не спрашивала мужа, кем он работает. Роман говорил что-то про фирму, большие капиталы, «черную» зарплату, но она не вникала. Катарина получила диплом и устроилась в компанию, которая организовывала праздники. Она была менеджером, пока не открыла в себе талант к фотографии. Так, в жизни появилось любимое дело. У них дома было множество снимков, и почти на каждом он – любовь, боль, муза, совершенство.

Как-то раз Роман рано приехал с работы: взвинченный, угрбмый. Он спешно собирал в чемодан вещи.

– Мы уезжаем в отпуск, – сбивчиво пояснил он жене.

Катарина не стала его расспрашивать, собрала вещи, и всего через пару часов они проходили таможеню в аэропорту. Когда самолет взлетел, она осторожно взяла его за руку и заглянула в бездонные глаза:

– Что происходит? Почему спешка? – Роман замялся.

– Проблемы на работе... Не бери в голову, – сказал он и поцеловал ее в губы. – Ты была в Риме?

– Я была только в двух странах. Рим не входил в мой список стран обязательных для посещения, – открыто улыбнулась ему Катарина, и он крепко прижал ее к себе.

Из того путешествия она привезла миллион фотографий: произведения архитектуры, амфитеатры, Колизей, Ватикан. Девушка открылась, зажглась, как звезда, и горела ярче солнца, освещая и его путь: запала должно было хватить на двоих. Теперь ее мир был во мраке, в глазах туман, а в сердце лед, замораживающий настолько, что болело в груди.

Катарина плюхнулась на покрытый рыжей шерстью диван, включила телевизор и незаметно задремала. Во сне она, как и всегда, видела мужа, который отговаривал ее так жить, просил не спешить к нему, просил прощения. Она соглашалась с его аргументами, но сердце не хотело стучать, а душа умирала, томилась в теле. Проснувшись, она открыла бутылку вина и опрокинула залпом стакан, поперхнувшись. Кот перестал вылизывать лапу, высокомерно поглядывая на нее из кресла. Она открыла ноутбук, проверила почту. «С работы, с работы, с работы. Больше я никому не нужна».

Подталкиваемая внутренними демонами, и жалея себя, оплакивая утраченное счастье, девушка подошла к черте, через которую переступать нельзя. Решение было принято ею пару недель назад, но она медлила, взвешивала, посещала друзей, родных, ночевала у них, создавая свой собственный ритуал прощания: безмолвный, ужасающий. Способ она уже выбрала. Таблетки она ненавидела, пистолет пугал ее до чертиков, падение с высоты требовало волевого шага. Поэтому она решила повеситься. Целый год она оплакивала мужа, жила прошлым, оставляя от себя лишь оболочку, пустой сосуд. Перекинув веревку и как следует закрепив ее на люстре, Катарина встала на стул.

Петля у нее на шее была крепко затянута, и она оглядела мрачное, затхлое место в котором жила, которое когда-то являлось центром ее Вселенной. Ноги соскальзывали с табурета, и тут на экране ноутбука замигало новое сообщение. Девушка быстро вернула равновесие и скинула с себя петлю, содрогаясь и задыхаясь. Ненависть к себе захлестнула ее изнутри.

– Я справлялась с одиночеством всю свою жизнь! Я не тряпка! Я не стану этого делать!

Туман перед глазами развеялся, и она ужаснулась от того, что задумывала совершить. Письмо продолжало мигать, приглашая к прочтению. Она отыскала мышку, которую зашвырнула в пьяном угаре об стену, и открыла письмо. Написано оно было на нерусском языке. К счастью, она хорошо знала несколько других, включая немецкий:

«Дорогая Катарина. Для меня большая честь, но также и бремя, сообщить Вам следующие новости. К сожалению, я не имею другого выхода. Ваша бабушка – Чера Мансдантер, намеренно скончалась. Знаю, вы не были с ней знакомы, ведь мой брат был отлучен от семьи за скоропалительную женитьбу на вашей матери, но она указала вас в завещании. Приезжайте

на оглашение, которое состоится в Люцерне в текущую пятницу. Там и познакомимся, дядя Стефан».

Девушка часто моргала, силясь понять, правда ли это. Бабушку она не знала, и дядю тоже. И вот, оказывается у нее есть родственники, которым она небезразлична. Да и письмо пришло как нельзя кстати. Она вдруг подумала, что это Ромка спасает ее, приглядывая с того света, и на душе стало тепло.

Глава 2. Новая

Катарина воодушевилась тем, что кто-то мечтает познакомиться с ней. У нее накопилось масса вопросов о семье, происхождении, тайнах. К тому же, присутствие в жизни чего-то нового давало надежду. Попытка суицида открыла ей глаза на жалкое существование. Многие годы, до встречи с ним, девушка была одинока как в социуме, так и в душе, но никогда не была жалкой. Осознание задевало самолюбие, но на сей раз она была рада, что это проснулось.

Как следует проспавшись, девушка ответила на письмо. Сейчас был только вторник, и время в запасе делало ее немного нервной и возбужденной. Она заказала билет на самолет, позвонила на работу, и с удивлением обнаружила, что не уволена. Пообещав директору прийти завтра, Катарина вооружилась тряпками и вычистила абсолютно все, не пропустив ни пылинки. Распахнув настежь окна, девушка выветрила впитавшуюся затхлость из квартиры, и из головы тоже.

Организм покидал алкоголь, отравлявший каждую его клетку и разум так долго. Закончив с уборкой, она приняла душ и обнаженная застыла перед зеркалом. Отражение было чужим: исхудавшее, осунувшееся лицо, круги под глазами. Но девушка не жалела себя, она нацелилась на преобразование.

А позже она готовила себе обед, и впервые за долгое время нормально поела в компании рыжего кота.

– Куда мне тебя девать? – обратилась она к нему, поглаживая между ушами. – У Светки аллергия на кошек.

Катарина вспомнила, что Роман не мог иметь в детстве животное, из-за болезни сестры, и вновь опечалилась, погружаясь глубже в недра своей памяти.

Маленькая, уютная гостиница, балкончик на оживленную улицу, вино, приятная музыка, не дававшие спать коты. Она с бокалом любимого брютта. Роман прижался к ней сзади, обвивая руками стройные бедра и тяжело дыша.

– Я так сильно люблю тебя, моя Катарина, – касался он губами мочки ее уха. – Я хотел бы никогда не возвращаться обратно. Сбежать. Путешествовать по миру. Только ты и я. – Она сгорала от желания, ведь долгие месяцы он не был внимательным к ней.

Роман развернул ее к себе и поцеловал: жарко, неистово. Он впивался ей в губы, и она горела от наслаждения. А затем он неожиданно подхватил ее на руки и понес в спальню. До самого утра они утопали в объятиях, сливаясь в одно целое. Он был нежен, ласков, покрывал ее поцелуями, а она утопала в его глазах, стараясь запомнить их навсегда, и его таким, как прежде: страстным и любящим.

Катарина чувствовала надвигающуюся беду, ведь внутри у нее была пустота, не дававшая ей покоя. Муж спал сном младенца, а она не могла сомкнуть глаз, поглаживая его по прекрасному, волевому лицу и массивному торсу. Она словно хотела запечатлеть в памяти каждую деталь, пусть и незначительную, малейшую. Больше всего на свете она боялась его потерять, но ей и в голову не приходило, как быстро это произойдет.

Ложка выпала у нее из рук, девушка тяжело вздохнула.

– Я должна побороть это. Как бы тяжело не было, – говорила она вслух, как учил ее психиатр.

Она вылила вино в раковину, и даже ту коллекционную бутылку, которую они хранили со дня свадьбы. А остаток вечера провела в спа-салоне. Катарина давно не ходила в салон, и девочки с трудом ее узнали. Неуютное чувство стыда было неприятным, и ей хотелось забраться в свою раковину, но она знала, что нужно перетерпеть. После процедур, она выглядела лучше: синяки под глазами практически исчезли, лицо приобрело цвет.

На следующий день девушка отправилась на работу, где столкнулась с любопытными взглядами, перешептывающихся у нее за спиной коллег. Однако, она привыкла к повышенному вниманию и научилась отгораживаться. Отчего-то ей вспомнилась свекровь, которая на удивление быстро справилась с потерей и вычеркнула Катарину из своей жизни, как напоминание о дурном. Она не винила ее за это, каждый справлялся, как мог.

Срочных дел не было, она отчиталась перед руководителем, поклацала по клавиатуре: для первого дня в социуме вполне достаточно.

– Привет. Помнишь меня? – робко обратился к ней коллега. – Я – Артур, из соседнего отдела. Мы вместе начинали, – девушка кивнула. Конечно, она его помнила: высокий, симпатичный, надоедливый. – Пообедаешь с нами? Мы собираемся сходить в кафе за углом. Там вкусно и недорого...

Она бы отказала и пообедала одна, выпив бутылку вина, или две, но с этим было покончено, и девушка в окружении коллег отправилась на обед. Кафе оказалось в этом же здании. Интерьер был мрачным и ничем не примечательным, но официант, сияющий белоснежной улыбкой, исправлял недостаток. Ребята говорили, не стесняясь набитых ртов. А Катарина погрузилась в себя, не сводя взгляда с картины, на которой была изображена какая-то битва. Кровавая сцена напомнила ей о том дне, когда время для нее остановилось.

Они прилетели в аэропорт поздно ночью. Муж не хотел возвращаться назад по крайней мере еще неделю, но раздался звонок телефона, после которого он изменился в лице. Говорить о том, кто звонил, и что происходит, он категорически отказался.

– Мы летим назад. Это все, что тебе нужно знать, – строго отрезал Роман, обрубая ее попытки что-либо прояснить.

Конечно, ее обижало такое отношение супруга, и скрыть это не удавалось, но и возразить ему она не могла. Как-то раз ее мать сказала одну умную вещь: «Дорогая, нельзя так сильно любить мужчин, как ты любишь его. Однажды тебя это уничтожит». Тогда она восприняла ее слова неправильно, считая образ жизни матери не лучшим примером для подражания. Теперь же, совет матери она считала лучшим из всех, которые слышала.

Самолет приближал их к дому. Роман не проронил ни слова, хмурясь и ерзя весь полет. Родная сторона встретила очередями, затянувшимся паспортным контролем, нервными людьми и порванным чемоданом. Девушка психовала, чертыхалась, а он лишь пожимал плечами и давал односложные ответы, обдумывая что-то свое. Дальнейшие события она помнит сумбурно, урывками, как будто мозг отказывался их воспроизвести. Они вышли через главный вход, подъехала машина. Вокруг было полно народу. Роман шел впереди, а она немного отстала из-за того, что не вместились в крутившуюся дверь.

Катарина видела его спину, голова была опущена, он сутулился. Она не помнит цвет машины, марку. Только звуки выстрелов, крики, падающих на асфальт людей, панику. Роман стоял неподвижно, пространство перед ним было зачищено. Стрелявший замешкался, словно хотел сказать: «Ты знаешь за что». Муж обернулся и виновато посмотрел ей в глаза. Пуля пробила насквозь его голову, и он упал.

Прибыла полиция, место оцепили, ее отогнали от тела в сторонку и передали врачам. Когда доктор стал накладывать жгут, девушка поняла, что ранена. Больно ей не было. Позже она будет думать о том, что лучше бы чувствовала боль, а еще лучше погибла вместе с ним.

Ромка держал ее в неведении до самого конца, и даже после смерти ничего не изменилось. Полицейские доставали ее на протяжении полугода, вызывали в участок, допрашивали. Кто-то сочувствовал, кто-то обвинял в убийстве и грозил посадить. Но ей было безразлично, как и дальнейшая судьба – до недавнего времени.

Кто-то коснулся ее плеча, и она вернулась к реальности. Коллеги заинтриговано на нее смотрели.

– Тебе не нравится обед? – интересовался Артур.

– Извините, – потерла она глаза, чтобы не расплакаться, руки дрожали.

Обеденный перерыв закончился, и они засобирались в офис. Артур галантно пропустил ее, придержав дверь, и поравнялся.

– Вижу, тебе не очень хорошо. Ребята в курсе, что произошло, и я соболезную твоей утрате. Может, проводить тебя домой? – он был милым, девушка подняла на него полные слез глаза.

– Я на машине.

– Ничего. Я поведу, – озорно подмигнул мужчина, не замечая, что она вот-вот разрыдается.

Они добрались до фиата, подаренного ей Романом на день рождения. Катарина панически боялась больших машин, не понимая их габаритов, а на своем миниатюрном коне чувствовала себя уверенно. В тот день, когда они покупали машину, она выбирала так долго, что муж уснул на диване в гостевой зоне для посетителей. Артур сел за руль.

– Тесновато. Не привык я к таким малышам, – улыбнулся он, и девушка покраснела.

Он вел аккуратно, не нарушая правил, а она его оценивала (впервые со дня смерти мужа она заинтересовалась мужчиной). Он был высок, худощав, блондин, имел ярко выраженные мужественные скулы, карие глаза, тонкие губы, время от времени превращавшиеся в ослепительную улыбку. Голос у него был приятный, не грубый, не раздражающий.

– Спасибо, – сказала девушка, как только он припарковал под окном автомобиль.

– Я только рад. Обращайся, – протянул он ей свою визитку.

Попрощавшись, Катарина поспешила домой, а он направился в сторону метро. И, лишь закрыв за собой дверь, она поняла, что у нее предательски подгибаются колени. «Бродяга» встретил ее в прихожей и с надменным видом прошествовал к мискам.

– Ненавижу кошек, – ворчала девушка.

Отужинав, она достала его визитку и прочла: – «Муромов Роман». Тряся головой, она на мгновение зажмурилась и взглянула вновь: «Заречный А.В., телефон, адрес фирмы». Успокоив нервы, девушка отложила визитку, и ей припомнился случай, когда они с мужем обсуждали предстоящую свадьбу, и как Роман позволил ей оставить свою фамилию. Правда, малышу он хотел дать свою. И все бы ничего, но в угольно-черных глазах была невероятная печаль. Катарина всегда чувствовала, что супруг скрывает больше, чем она смеет предположить.

Ночью ей не спалось, предстоящая поездка интриговала, и Артур интересовал не меньше. Стоило ей закрыть глаза, как перед внутренним взором возникала его притягательная улыбка. Было в нем что-то необъяснимое, располагающее, и в тоже время приторное, как чересчур сладкий пирог. Она застыдилась своих мыслей и завспоминала о муже, который при жизни, также как и Артур, являлся душой компании. «Бродяга» устроился у нее в ногах, – раньше он себе этого не позволял. Пушистый комок чувствовал, что ей лучше, и пытался втереться в доверие. Кошки сами выбирают хозяев, но этот нуждался в лидере, а не в сопливой девчонке с петлей на шее.

Медленно и неторопливо, она провалилась в сон. События набирали обороты, и девушка вскочила, судорожно вытирая пот со лба. Находясь в сонном состоянии, она пошла на кухню и заварила себе крепкий, ароматный кофе. На дворе стояла глубокая ночь. Глоток за глотком сон уходил, глаза открывались. Катарина вспоминала то, что ей снилось.

Она брела по развалинам какого-то дома, кирпичи втыкались ей в ноги. Миновав кирпичные преграды, девушка остановилась на ровной земле. Впереди распростерся лес. Зеленые, густые кроны шуршали на ветру, а затем поток воздуха усилился, становясь холодным и пронзающим до костей. Она поежилась, запахнув плотнее халат. Тучи исчезли, и в лучах восходящего солнца перед ней предстал ее супруг. Он светился и выглядел великолепно. «Впрочем когда было иначе?» Роман сделал несколько шагов, стало холоднее, зубы девушки застучали.

Она смотрела на человека, которого любила больше самой жизни, и хотела лишь одного – вернуть его.

– Во сне ведь это возможно?

Он лукаво смотрел на нее, прищуриваясь, и на душе становилось теплее. Даже после смерти муж знал в чем нуждается его Катарина.

– Моя любовь! Прости меня за то, что оставил тебя одну, – грустно сказал он, и девушка наконец обрела дар речи.

– Что ты натворил?

– Тебе лучше не знать. Хорошо, что он остановился на мне, – между ними повисло неловкое молчание. — Живи, маленькая. Мне нет покоя, пока ты блуждаешь во тьме и сводишь счеты с жизнью. Ты должна отпустить меня. Ради себя, ради меня. Позаботься, пожалуйста, о «Бродяге».

Катарина столько всего хотела ему сказать, столько спросить, но силуэт растворялся и вскоре исчез, а она пробудилась, и как ни странно запомнила их разговор. Девушка еще долго думала о необычном сне и существовании призраков.

Проснувшись за кухонным столом, Катарина ахнула: на работу она уже опоздала, тело ломило из-за неудобного сна. Никто не звонил. Директор, видимо, решил, что она опять в запое. Подумав об этом, она испытала стыд. Ну ничего, завтра она уезжает на оглашение завещания, и один день ничего не изменит.

Она маялась от безделья, пересмотрела любимый сериал, умяла пачку чипсов. Девушка думала, что пол дня уйдет на то, чтобы собрать чемодан, но управилась за пару часов, и теперь снова не знала чем заняться. Позвонила Светка, осторожно задала несколько вопросов. Таким образом подруга периодически ее проверяла. «Никогда не сомневалась, что Светка нашла бы мой труп», – хохотнула девушка, выслушивая рассказ о свидании.

К вечеру Катарина совсем разлепилась и набрала номер с визитки, чтобы убить время. Раздались гудки, она струсила и хотела бросить трубку, но не успела.

– Привет. Рад, что ты позвонила. Не видел тебя сегодня на работе.

– Я проспала.

– Надеюсь для босса у тебя было оправдание получше, – рассмеялся Артур. – Сходим в кино?

– Конечно.

– Отлично. Я заеду за тобой через час.

Как только в телефоне вновь раздались гудки, она нервно замельтешила по комнате. «Что надеть? Как накраситься? Ярко? Зачем я это затеяла? Я же уезжаю. Не самое лучшее время для встреч». Миллион отговорок приходило ей на ум, но девушка все же собралась, и выглядела очаровательно несмотря на то, что предпочла платью джинсы и водолазку с мультяшным принтом.

Артур подъехал вовремя.

– Запрыгивай! – прокричал он из машины. – Это не фиат, но тоже ничего! – Машина была большой, она плохо в них разбиралась, но шутку поняла и заулыбалась. – Какой фильм хочешь посмотреть? Я поискал в интернете: идут ужастики, мультик, и наш российский, комедия.

– Пойдем на комедию, – в ее жизни хватало ужастиков.

Они приехали в торговый центр, купили билеты и решили скоротать время до фильма в кафе. С каждым шагом на сердце становилось чуточку легче, терзания и боль отпускали ее из цепких объятий, ослабляли хватку. Катарина кушала неспеша, хоть и была очень голодна, ведь чипсами сыт не будешь. Артур много говорил, заразительно смеялся. Из разговора она поняла, что он очень любит свою работу, у него нет родных братьев, но хотелось бы их иметь, и что последние отношения закончились несколько лет назад.

Фильм оказался смешным, как и обещала реклама. Их руки периодически соприкасались в пачке с попкорном, ощущение было приятным. А после он отвез ее домой. Катарина уже собиралась выходить из машины, когда он остановил ее, бережно взяв за руку. Она непонимающе посмотрела ему в глаза, сердце стучало так громко, что он, наверное, слышал. Артур наклонился и поцеловал ее в губы. Девушка отстранилась, смущенно улыбаясь, опуская глаза и разглядывая пальцы.

– Увидимся завтра? – спросил мужчина.

– Завтра я не смогу. Улетаю. Бабушка указала меня в завещании.

– Серьезно? – задумчиво произнес он. – Соболезную. Когда вернешься?

– Не знаю. Неизвестно насколько это затянется.

– Я буду ждать... – Он галантно поцеловал ей руку, и она покраснелась.

Катарина неторопливо шла к подъезду, чувствуя как он наблюдает за ней из машины. А когда зашла внутрь, машина взревела, шум мотора скрылся вдали. Настроение у нее улучшилось, но как только она переступила порог, вернулось чувство вины.

– Нужно время, – говорила она с котом. – Я начинаю новую главу. Без него.

Глава 3. Знакомство

Всю ночь она ворочалась, снедаемая кошмарами. Роман отчитывал ее за измену, новый ухажер вступал с ним в схватку. Дом горел, и она одна стояла на пепелище. Утром она отключила назойливый будильник. Настал день поездки, а это означало, что придется выйти из зоны комфорта. Катарина была замкнутой и не любила путешествия, но как только преодолевала себя, начинала наслаждаться. Нужно было только немного потерпеть. А «Бродяга» вообще никуда не ездил за свою короткую, пушистую жизнь, и для него поездка была трагедией. Но он не спрятался под диван и стойко перенес погружение в переноску.

Девушка собралась, такси подъехало, время бежало, как это бывает поутру. Кот уютно устроился в переноске, положив голову на лапки. Создавалось впечатление, что он понимает необходимость путешествия. Катарина вышла на улицу, волоча за собой в одной руке чемодан, в другой – кота. На мгновение девушка оглянулась и посмотрела на дом, испытывая облегчение и пустоту.

Снег захрустел у нее под ногами. Она с детства любила этот звук, ассоциируя с ним каникулы и походы на лыжах. Каждый год они с папой ходили на лыжах в горах, и у нее неплохо получалось. «Скоро увидимся, папа». Ей было любопытно: «Изменился ли он? Отрасстил бороду или усы? Растолстел? Встретит ли в аэропорту? Узнает ли?» Девушка опустилась на заднее сиденье и усадила рядом кота, истошно завопившего в переноске. Таксист надулся и всю дорогу делал музыку громче, кот и не думал замолкать. Оно и понятно. Животное боялось тесного пространства, тряски в пути.

Машина ехала по уютным улочкам столицы, небо было чистым, денек морозным, а люди – укутанными и краснощекими. Пробку миновать не удалось, водитель занервничал и вышел на улицу покурить. В аэропорт они прибыли с опозданием.

Люди мельтешили, протискивались, торопились. Не привыкшая к этому, она озиралась по сторонам, стараясь держаться поодаль от серьезных скоплений. Шум, гам, грохот, разговоры, смех, возмущения наполняли просторные залы. Девушка выбрала другой аэропорт, а не тот, в котором произошла трагедия. Она надеялась, что память не омрачит ей в волнительный день, – напрасно.

Она сдала багаж и кота, и, освободив руки, почувствовала себя немного лучше. Посадка началась, времени на покупки не оставалось, и Катарина поспешила занять место в самолете. Отстояв длинную очередь и оказавшись на борту, она села у окна согласно билету, заинтересовавшись журналом, который нашла в спинке впереди стоявшего кресла. Какие-то люди попросили поменяться местами, и она сдержанно отказалась. Преодолев конфузы, и дождавшись взлета, девушка уснула, и открыла глаза лишь когда пассажиры стали забирать сумки с полок для ручной клади.

Катарина ступила на родную по отцовской линии землю. Только сейчас она поняла как ей этого не хватало, как сильно она скучала...

Аэропорт Цюриха встретил ее яркими огнями, мраморными полами, высокими лестницами, маленькими магазинчиками, заполненными всякой всячиной, и доброжелательными людьми.

Когда девушка была маленькой, они жили в скромном, горном городке. Сейчас ее отец с новой семьей жил в столице, – продвижение по карьерной лестнице сподвигло их к переезду. Она была рада за него, но думала о том, смог бы он добиться успеха, оставшись с ее матерью.

Катарина получила багаж и подозрительно притихшего кота. Какое-то время она рассматривала животное через сетку. Кот дернулся, и опасения о его кончине были отброшены. Она не любила его, но все равно пожалела.

На выходе из аэропорта ее должен был кто-то ждать. До Люцерна придется добираться на поезде. Девушка пристроила багаж у входа, в таком месте, где ее не доставали бы прохожие. Сквозь толпу мельтешивших возле нее людей, она заметила отца и сразу его узнала. Он был высокий, стройный, с прямыми чертами лица и узким носом, светлые волосы окрасила седина, голубые, холодные, как лед, глаза, искали ее в толпе. У отца покраснел нос, как и всегда на морозе, руки он прятал в карманах элегантного коричневого пальто, брюки были идеально отглажены, а ботинки начищены до блеска.

Отец всегда был аккуратен и ухожен, сколько она его помнила, – сказывалась армейская выправка. В который раз она убеждалась, что некоторым людям возраст только к лицу. Ком застрял у нее в горле. Он повернулся в ее сторону, легкая улыбка дрогнула на губах, холодный взгляд на мгновение стал теплее. Катарина положила свою ношу на землю, и, забыв про излишнюю осторожность, подбежала к нему, крепко обнимая. Он прижал ее к себе, слегка приподнимая, как делал в детстве, когда задерживался на работе. Оба плакали.

– Вот мы и встретились. Прости, что по такой причине, моя птичка, – его голос был грубым и гортанным, говорил он на немецком языке.

Ах, если бы он только знал, как вплоть до трагедии с мужем, все эти годы она перед сном повторяла слова и произношение, боясь позабыть язык и саму себя. Птичка, – так он ее называл, носил на руках, пел колыбельные, разговаривал по душам, выдумывал истории и укрывал одеялом перед сном. На сердце у нее было тяжело: смесь радости и грусти, и детской обиды. Некоторые вещи не желают нас отпускать, не принимая во внимание ни возраст, ни умственное развитие. Нет ничего хуже обиженного ребенка в теле взрослого человека.

– Я так рада, папа. Меня переполняют эмоции, извини я совсем расклеилась, – шмыгала она носом.

– Перестань. Ты прекрасно выглядишь. Я всегда знал, что моя птичка вырастет и станет прелестным лебедем. А это кто? – заглянул он в переноску к коту.

– «Бродяга». Он единственное, что осталось мне от мужа, – прохрипела она, теряя голос.

– Нужно идти, птичка. Поезд не станет ждать.

Водитель отвез их на железнодорожный вокзал в абсолютной тишине, даже кот не смел ее нарушать. Девушка восторженно наблюдала из окна за суетившимися перед праздником людьми, закупавшими подарки. Здесь были необычного вида дома, вытянутые кверху, с резными окошками, слишком близко расположенными друг к другу, делаая их сказочными, волшебными. Они проезжали соборы, поражающие своей древностью, красотой и готическим стилем, часовые башни, украшенные гирляндами к праздникам, мост, протянувшийся над рекой и соединявший куски суши между собой.

Водитель дал небольшой крюк по окрестностям по просьбе отца: время в запасе у них было, и он решил, что ей будет полезно осмотреть город. Немного прокатившись, они прибыли на вокзал как раз к началу посадки. Как только она вышла из машины, у нее перехватило дух: сооружение, служившее железнодорожным сообщением города, было массивным, старинным, готическим. Катарина открыла от удивления рот, ведь в ее понимании это должен был быть небольшой зал с выходами к нескольким платформам. Там их оказалось несчетное множество.

Они достигли нужной платформы, поезд ожидал пассажиров. Приветливая девушка проверила билеты и пригласила в салон. Их места были рядом, и они тут же устроились поудобнее, а кот наконец-то начал проявлять признаки жизни. Отец нажал на кнопку вызова, и возле него мгновенно возникла проводница:

– Что желаете, сэр? Чай? Кофе? – Он вопросительно посмотрел на дочь.

– Кофе и круассан, пожалуйста, – старалась она быть приветливой.

– Принесите нам, пожалуйста, два кофе и круассаны. И еще просьба. Можем ли мы ненадолго выпустить кота? – Девушка одобрительно кивнула, и Катарина открыла дверцу переноски.

«Бродяга» осторожно высунул нос, втягивая носом воздух незнакомого места, помедлил, и выбрался из заточения. Он прошел по вагону, обнюхал пассажиров, обошел стороной детей, и вернулся к хозяйке, устроившись в ногах под сидением. Катарина думала о том, что кот долго не ходил в туалет и может опозорить ее на весь поезд, но тот смиренно сидел, не двигаясь с места.

Поезд начал движение, отец откинул от стены столик, принесли кофе и выпечку. Такого вкусного напитка она нигде не пробовала, аромат был наполнен нотками апельсина и корицы, пена пышной шапкой качалась под стук колес. Девушка согрелась, утолила голод, глаза у нее слипались. Она путешествовала на таком поезде впервые: единственную поездку на электричке, в тесном, прокуренном тамбуре, она в расчет не брала. Прикрыв веки, она думала, что было в этом что-то романтическое, – мчаться с огромной скоростью в поезде, рассекающем воздух и снежинки, удобно облокотившись о высокое окно, наблюдать сменяющие друг друга пейзажи.

Катарина засыпала, когда отец взял ее за руку и заглянул в глаза, такие похожие на его:

– Я должен был чаще бывать у тебя. Знаю птичка, тебе тяжело. Я был плохим отцом. За это мне нет и не будет прощения. Скажи мне, есть ли хотя бы малейший шанс, что мы сможем когда-нибудь нормально общаться? – Он был печален, морщинки пролегли под глазами, искажая красивое лицо.

– Я столько раз представляла себе этот разговор и в мечтах отказывала тебе. Но это было в детстве. Мне пришлось изменить всю свою жизнь, все стало другим и не желало меня принимать. Я прощаю тебя, папа. Надеюсь, мы не потеряемся, потому что у меня совсем не осталось сил на поиски кого бы то ни было, – откровенничала она на эмоциях. – Я слишком устала от драм. Честно говоря, смерть бабушки, которую я не знала, в каком-то смысле раскрыла мне глаза на то, как живу я сама. Кстати, может ты расскажешь что-нибудь о ней? – Он расслабился, но только речь зашла о его матери, снова осунулся.

– Да, собственно, нечего рассказывать. Она была строгой, сварливой старухой с заскоками. Я был отлучен от семьи за брак с твоей матерью, но все равно общался с братом и его семьей анонимными письмами и встречами. – Катарина была удивлена.

В глазах отца она заметила проблеск, его до сих пор печалило это. Ей было до крайности любопытно узнать больше о своей бабке, – бессердечная фигура притягивала секретностью. Но расспрашивать отца она больше не стала, ему было не по себе от разговоров о ней. Девушка откинулась в мягком кресле и под укачивания вагона и завывания ветра, уснула. Сон оказался крепким, целительным, глубоким, с проблесками хождений по неизведанным местам, встреч с неизвестными людьми, странного золотого сияния и ощущения радости.

«Бродяга» запрыгнул к ней на колени. «Комок шерсти совсем обнаглел!» Катарина взглянула на мирно сопевшего отца, скрестившего на груди руки, и потрепала по голове кота, ласково боднувшего ее в ответ. За окном были горы на горизонте, а впереди мост, растянувшийся на многие километры. Пропасть под мостом поражала своей глубиной и бескрайним снежным покрывалом. Поезд сбавил скорость, как бы предупреждая пассажиров о том, что участок дороги опасен. Девушка прилипла к окну, не заметив как они достигли нужной станции.

Кот, растопырив лапы в разные стороны, не желал вновь погружаться в переноску, но выхода у него не было. Люди неспешно покидали свои места. Не торопясь, они с отцом вышли из вагона, разминая затекшие в пути ноги. Вокзал Люцерна был не таким впечатляющим и не сравнится с размахом столицы, но оказался чистым и более современным. Они шли по платформе, отец взял на себя обязанность нести ее багаж. Воздух был свежим, бодрящим, прохладный ветерок дул в лицо, солнце клонилось за горизонт, окрашивая небо в ярко-оранжевый.

– Твой дядя Стефан должен нас встретить. Но он всегда опаздывает. В этом я даже не сомневался, – ворчат ее педантичный отец. Похоже, дядя был слеплен из другого теста. – Не слушай его рассказы, дорогая. Он бывает до неприличия надоедлив и всегда любил фанта-

зирать. Иногда мне кажется, что он не видит разницы между выдумкой и реальностью, – наставлял папа.

Издалека, вначале платформы, им махал высоченный, худой мужчина в шапке ушанке, выкрикивая что-то, чего они не могли разобрать: прохожие шарахались от него по сторонам. Отец закатил глаза и замычал. Несомненно, он любил брата, но скорее всего в глубине души, и размер ее глубины определить было пока невозможно.

– Кристоф, братишка! Сколько лет! – Он чуть не снес отца с платформы, запрыгнув на него и весело расхохотавшись.

– Ну, хватит! Ты привлекаешь внимание! – сетовал отец, кривя лицом, но глаза выдавали его искреннюю радость.

– Да ну, перестань! Плевать на них! Я так рад! Столько лет мы не виделись, брат! Да и скрываться нам больше незачем! – осекся он. – Юная Катарина! Приятно познакомиться! Ты так красива, дорогая! Именно так я тебя и представлял! Просто копия своего отца! Надеюсь, ты не унаследовала от него ворчливость? – шутливо спрашивал он.

– Мне тоже очень приятно, – смущенно улыбалась девушка.

Дядя Стефан хлопнул ее по плечу, немного не рассчитав, и тысячу раз извинился, пока они выходили из вокзала в город. Возле здания их ожидала большая иномарка с огромными колесами и удлиненным кузовом. Стефан закинул в нее чемоданы и отворил двери:

– Прыгайте! Сейчас всего пять. Поедем к нам, пообедаем, и потом рванем в нотариат. Время есть. Заодно сбросим багаж и усатого. Вы же у нас остановитесь? Скажи да, братишка, – заискивал он.

Отец его немного помучил и лишь затем ответил согласием. Стефан просиял.

Катарина сидела на заднем сидении вместе с котом. У нее с детства была привычка оценивать заинтересовавшего ее человека исподтишка, чем она сейчас и занималась. Дядя был на голову выше отца, худощав, черты лица схожи с отцовскими, но более мягкие, пластичные, нос не такой заостренный, светлые волосы, не тронутые сединой, и зеленого цвета глаза. И, конечно же, он был моложе на целых семь лет. Широчайшая улыбка украшала его долговязую внешность. Катарина предположила, что такого же размера у него была и душа.

Девушка выпустила кота, и он встал на задние лапки, разглядывая, что творится за окном. Она и сама отгородилась от громогласных возгласов дяди, рассматривая интригующий городской пейзаж. Город поражал причудливостью размеров и форм, притягательностью древности, уютными оживленными удочками, тесно прижатыми к соседям домиками, и рекой Ройс, раскинувшейся между ними. Она разъединяла город надвое.

Машина медленно и легко катилась, и девушка видела старинные постройки, храмы с золотыми куполами и остроконечными башнями, мосты, имевшие многовековую историю и ценность. А вдалеке протянулись Альпы, ограждая городок от назойливых ветров, и представляя собой стратегическое преимущество в случае нападения. Вершины гор были украшены снежными шапками и немного размыты туманом. Солнце уже почти скрылось за ними и выглядело как желтое пятно на холсте начинающего художника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.